

В.Д. Кудрявцев-Платонов

введение в философию

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В11

В.Д. Кудрявцев-Платонов
В11 введение в философию / В.Д. Кудрявцев-Платонов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 66 с.

ISBN 978-5-458-05582-6

Преподаватель Московской духовной академии Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов оставил заметный след в истории философской мысли в России. Он основатель «системы трансцендентального монизма», один из продолжателей традиции школы теистической философии, заложенной Ф. А. Голубинским. Цель этой работы – ввести начинающего изучать курс богословских наук в философию. Автор говорит о различных определениях философии, о ее взаимоотношениях с другими науками (прежде всего с «положительным знанием»), об особенностях ее методологии, структуре философского знания и отношении философии к религии. Взаимоотношение философии с богословием и наукой в настоящее время дают повод для дискуссий, поэтому знакомство с трудом В. Д. Кудрявцева-Платонова будет полезным не только с исторической точки зрения (как образец отличного учебника по философии), но и для решения насущных задач в деле философского образования в духовных и светских учебных заведениях.

ISBN 978-5-458-05582-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Введеніе въ Философію.

I.

Понятіе о философіи.

Необходимость разясненія понятія о философіи. Въ большей части наукъ содержаніе ихъ, хотя въ въ общихъ чертахъ, выражается въ самомъ ихъ названіи; богословіе напр. есть наука о Богѣ, физика—наука о природѣ, зоологія, минералогія, ботаника—науки о животныхъ, минералахъ, растеніяхъ и т. п. Если и есть нѣкоторыя науки, названія которыхъ не соотвѣтствуютъ ихъ дѣйствительному содержанію, напр: математика (слово, которое означаетъ ученіе, науку вообще), геометрія, физиологія, геологія и др., то въ подобныхъ случаяхъ общее словоупотребленіе все же установило за этими названіями болѣе или менѣе опредѣленный и ясный смыслъ, по которому каждый, сколько-нибудь образованный человѣкъ, довольно вѣрно понимаетъ общее содержаніе той или другой науки. Но если бы въ обычномъ пониманіи держанія какой либо науки даже образованными людьми встрѣчалась какая либо неточность или неопредѣленность, то этотъ недостатокъ вполнѣ устраняется въ области знанія научнаго, гдѣ и задача и границы каждой науки должны быть установлены съ полною ясностію и опредѣленностію.

Въ иномъ положеніи находится философія. Что касается до самаго слова: *философія* (любомудріе), то оно даетъ намъ очень неопредѣленное представленіе о *мудрости*, не говоря точнѣе, въ чемъ состоитъ эта мудрость и отличіе ея отъ познаній, входящихъ въ составъ другихъ наукъ, которыя также имѣютъ полное право называться мудростію. Также мало для объясненія содержанія философіи даетъ намъ и понятіе *любви*, присоединяемое въ ея названіи къ понятію мудрости. И каждая наука не обязана ли своимъ происхожденіемъ любви къ званію и не предполагаетъ ли въ занимающемся ею любви къ своему предмету? Поэтому и каждая наука имѣетъ право въ своемъ родѣ называться любомудріемъ, — философіею *).

Но можетъ быть то, чего не даетъ намъ букввальное значеніе слова: *философія*, замѣняется твердымъ, общепризнаннымъ понятіемъ о ея содержаніи? Но и въ этомъ отношеніи наша наука находится далеко не въ столь выгодномъ положеніи, какъ другія науки. Каждый, сколько нибудь образо-

*) Древнее преданіе (сохранившееся у Діогена Лаэртія и Цицерона) начало слова: *философія* возводитъ къ Пиеагору. По этому преданію, Пиеагоръ пришелъ въ Фліось, греческій городъ въ Елидѣ, и часто бесѣдовалъ здѣсь о разныхъ предметахъ съ тамошнимъ княземъ Леономъ. Князь дивился разуму и краснорѣчію своего гостя и спросилъ его: „въ какой наукѣ или искусствѣ онъ счтаетъ себя особенно свѣдущимъ?“ — „Ни въ какой,“ отвѣчалъ Пиеагоръ, „я только философъ“. Это имя владѣтелю Фліоса показалось новымъ и страннымъ. „Что за люди—философы“, спросилъ онъ, „и чѣмъ отличаются они отъ другихъ людей?“ — „Человѣческую жизнь“, отвѣчалъ Пиеагоръ, „можно сравнить съ большими торжищемъ и съ олимпійскими играми. На торжищѣ есть продавцы и покупатели, которые стараются прибрести прибыль; на играхъ участники ихъ заботятся о славѣ и извѣстности; но тамъ есть еще третій классъ людей,—это зрители, которые смотрятъ на тѣхъ и другихъ и внимательно наблюдаютъ, что тамъ происходитъ. Такъ и въ жизни людской: большая часть людей заботится только о богатствѣ и славѣ; все здѣсь погоня и движеніе; одинъ гонится за тѣмъ, другой—за другимъ. Только немногіе среди этой шумной толкотни не принимаютъ въ ней участія, но созерцаютъ и вслѣдуютъ природу вещей и познаніе истины любить больше всего; это любители мудрости—философы. Называются же они *философами*, а не мудрецами (*σοφοί*) потому, что мудрымъ можетъ быть только одинъ Богъ, человѣку же свойственно только стремленіе, любовь къ мудрости“.

ванный человекъ, довольно ясно понимаетъ, что такое напр. математика, химія, фізіологія, ботаника, хотя філологическій смыслъ этихъ терминовъ можетъ быть для него непонятенъ, да и на самомъ дѣлѣ не соответствовать точно ихъ дѣйствительному содержанию. Но что такое философія? Съ этимъ словомъ даже въ умахъ довольно образованныхъ людей не соединяется часто никакого другого понятія кромѣ представленія о чемъ-то темномъ, отвлеченномъ и трудномъ для разумѣнія. Одинъ, предубѣжденный противъ нея, скажетъ, что это—наука, занимающаяся пустыми отвлеченностями; другой, предрасположенный въ ея пользу, скажетъ, что это—очень важная наука, занимающаяся возвышенными предметами. Но что такое каждый изъ нихъ разумѣетъ подъ именемъ отвлеченности-ли то или возвышенности, — на этотъ вопросъ мы едва ли дождемся точнаго и опредѣленнаго отвѣта.

Такой точности и опредѣленности, повидимому, мы вправѣ были бы ожидать отъ людей науки вообще; но и здѣсь наши ожиданія остаются далеко неудовлетворенными. Въ области науки вообще мнѣнія о философіи расходятся до противоположности. Тогда какъ одни вполне признаютъ и ея самостоятельность и важное значеніе въ области науки, другіе отрицаютъ самую возможность философскаго познанія и въ опытахъ такого познанія видятъ лишь неудачныя попытки рѣшить при помощи умозрѣнія такіе вопросы, которые или вовсе неразрѣшимы для человѣческаго ума или рѣшенія которыхъ мы должны ожидать единственно отъ естествознанія.

Если изъ области научнаго знанія вообще перейдемъ въ область философіи, то и здѣсь къ удивленію не встрѣтимъ желаемаго единомыслія въ пониманіи предмета и задачи философіи. И среди философовъ были лица, сомнѣвавшіеся въ возможности философіи вообще или нѣкоторыхъ частей ея, — напр. метафизики. Что же касается до опредѣленій философіи у различныхъ философовъ, то безъ преувеличенія можно сказать, что сколько философскихъ системъ, столько и опредѣленій философіи. Одни изъ этихъ опредѣленій страдаютъ общно-

стію и неопредѣленностію, недозволяющею отличить содержаніе философіи отъ содержанія другихъ наукъ. (Таково, напр., стоическое опредѣленіе философіи: «философія есть познаніе вещей божественныхъ и человѣческихъ»; или опредѣленіе ея у Вольфа: «философія есть наука о возможномъ, въ какой мѣрѣ оно возможно»; или опредѣленіе Гербарта: «философія есть обработка понятій, состоящая въ ихъ выясненіи, исправленіи, и дополненіи посредствомъ опредѣленія ихъ достоинства»); другія—страдаютъ односторонностію и неправильнымъ ограниченіемъ содержанія философіи (такъ напр. Эпикуръ философіею называетъ основанное на раціональныхъ понятіяхъ и размышленіяхъ стремленіе къ счастливой жизни; по мнѣнію Конта, философія есть не болѣе какъ обобщеніе и систематическій сводъ результатовъ наукъ положительныхъ). Но и независимо отъ этихъ недостатковъ, большая часть опредѣленій философіи встрѣчающихся у разныхъ философовъ, не пригодны для первоначальнаго ознакомленія съ этою наукою по ихъ темнотѣ. Каждый изъ философовъ въ опредѣленіи своей науки старался выразить особенности своего философскаго міровоззрѣнія, и поэтому опредѣленія ихъ вполне могутъ быть понятны только для тѣхъ, кто уже болѣе или менѣе знакомъ съ ихъ философскими системами (таково напр. опредѣленіе философіи у Платона: «философія есть наука объ идеяхъ, какъ истинно сущемъ и совершенномъ бытіи»; у Гегеля: «философія есть наука объ абсолютномъ въ формѣ діалектическаго развитія, или наука самого себя понимающаго разума»; у Шеллинга: «философія есть наука объ абсолютномъ, какъ безразличіи идеальнаго и реальнаго»).

Если же ни самый терминъ: *философія*, ни обыденное, ни научное пониманіе ея, ни опредѣленія ея въ средѣ философовъ не сообщаютъ намъ яснаго понятія о содержаніи философіи, то не даетъ ли намъ такого понятія исторія этой науки? Можетъ быть, изъ того, что въ продолжительную эпоху ея существованія разумъ обозначалъ именованіемъ: *философія*, мы скорѣе поймемъ ея предметъ, чѣмъ изъ филологическаго

значенія этого слова, изъ смутныхъ представленій о ней большинства, или изъ разнорѣчивыхъ, часто темныхъ и отвлеченныхъ опредѣленій ея у философовъ?

Но и на этомъ пути разъясненія дѣйствительнаго содержанія философіи насъ встрѣчаютъ большія затрудненія и недоразумѣнія. Оказывается, что не одно и то же въ различныя времена признавалось философіею и носило это имя. Предѣлы ея то расширялись по всей почти области научно-познаваемаго, такъ что всѣ науки сливались съ философіею какъ ея отрасли, то сокращались до такой степени, что ей какъ будто и вовсе не оставалось мѣста и занятія среди другихъ наукъ. Первое имѣло мѣсто въ древности; философія тогда обнимала почти всѣ науки и Цицеронъ, согласно съ Стоиками, довольно вѣрно могъ опредѣлять ее такъ, что она есть *rerum divinarum et humanarum scientia*. Дѣйствительно, въ системахъ древнихъ философовъ мы часто встрѣчаемъ изслѣдованія, которыя въ послѣдствіи времени, съ большею спеціализаціею наукъ и съ болѣе строгимъ разграниченіемъ области опыта и умозрѣнія, выдѣлились изъ философіи и вошли въ составъ наукъ эмпирическихъ и положительныхъ. Таковы напр. свѣдѣнія о формѣ земли, о величинѣ и движеніи небесныхъ тѣлъ, о свойствахъ различныхъ растений и минераловъ, о происхожденіи органическихъ существъ, которыя встрѣчаемъ въ древнихъ философскихъ системахъ. Таковы напр. изслѣдованія математическія, грамматическія и риторическія, положительное ученіе о законодательствѣ.

Если въ древности философія страдала неопредѣленностію и широтою своихъ границъ, то въ новомъ мірѣ, съ постепеннымъ развитіемъ знаній положительныхъ, предѣлы философіи начинаютъ болѣе и болѣе суживаться. Ученіе о природѣ, послѣ постепенныхъ уступокъ своего содержанія эмпирическимъ наукамъ, совершенно отдѣлилось отъ философіи. Политика и право развѣтвились въ нѣсколько отдѣльныхъ наукъ съ положительнымъ характеромъ. Ученіе о чловѣкѣ съ его физической стороны также давно отошло въ область естествозна-

ніа. Но уступка філософією значительной части своего содержания другимъ наукамъ не спасла ее отъ смѣлыхъ притязаній и на другія, повидимому оставшіяся за нею, части. Успѣшное приложеніе эмпирическаго метода къ познанію видимаго міра съ одной стороны, противорѣчія и недостатки філософскихъ системъ въ рѣшеніи высшихъ вопросовъ знанія и жизни съ другой, привели многихъ къ мысли, что філософія во всѣхъ областяхъ знанія можетъ быть замѣнена положительными науками и что въ настоящее время она можетъ имѣть только историческое значеніе, какъ извѣстный (умозрительный) способъ изслѣдованія міра, излишній при существованіи и усовершенствованіи другого, — эмпирическаго.

Дѣйствительно, на какую бы изъ сторонъ человѣческаго познанія мы ни обратили вниманіе, вездѣ встрѣчаемъ опыты положительнаго и эмпирическаго рѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые въ древности рѣшались путемъ умозрѣнія, — опыты, которые повидимому дѣлаютъ філософію излишнею. Три главные предмета составляютъ содержаніе человѣческаго вѣдѣнія: Богъ, міръ и человѣкъ. Но въ дѣлѣ познанія о Богѣ мы имѣемъ передъ собою, независимо отъ філософскаго, религіозное, а въ христіанской религіи — откровенное ученіе о Богѣ. Повидимому, не безъ основанія можно спросить: если есть богооткровенное ученіе и наука, систематически излагающая это ученіе, — богословіе, то какое значеніе можетъ имѣть наука которая, какъ показываетъ ея исторія, съ большими усиліями и малымъ успѣхомъ старается рѣшить тѣ вопросы, которые точно и вѣрно рѣшаются въ другой? Что касается до ученія о мірѣ видимомъ, то безспорно, что тѣмъ блестящимъ состояніемъ, въ какомъ находится познаніе о природѣ въ настоящее время, наука обязана не філософскому умозрѣнію, а естествознанію, основанному на опытѣ и наблюденіи. Это приводитъ многихъ къ мысли, что возможно и законно только одно эмпирическое познаніе міра видимаго, что всякаго рода філософскія изслѣдованія о природѣ не могутъ привести ни къ какимъ прочнымъ и достовѣрнымъ ре-

зультатамъ. Остается повидимому для философіи ученіе о духовной сторонѣ человѣка и о коренныхъ обнаруженіяхъ ея въ дѣятельности теоретической и практической, — психологія, теорія познанія (логика) и нравственности (нѣтика). Но и на эту часть философіи изъявляетъ притязаніе естествознаніе. Отвергая самостоятельность духовнаго начала, матеріалическое естествознаніе на человѣка смотритъ, какъ на часть той же видимой природы, которую изучаютъ науки опытныхъ; психическія явленія оно считаетъ своеобразнымъ продуктомъ органической жизни и въ психологіи видитъ только особую главу фізіологіи. Другіе, не отвергая рѣшительно самостоятельности психического начала, утверждаютъ совершенную его непознаваемость и считаютъ единственно возможною «психологію безъ души», т. е. одно чисто эмпирическое изученіе феноменовъ душевной жизни. Что касается до основныхъ проявленій психической жизни, — знанія и дѣятельности, то съ разсматриваемой нами эмпирической точки зрѣнія изученіе ихъ возможно лишь со стороны чисто фізической, а никакъ не умозрительной или философской. Логика и нѣтика изъ наукъ философскихъ, опредѣляющихъ, какъ должно мыслить и какъ должно дѣйствовать, превращаются въ науки чисто эмпирическія, описывающія простые факты сознанія, необходимо обуславливаемые строемъ нашего организма и неотразимымъ вліяніемъ вѣшнихъ условій жизни.

Такимъ образомъ, будучи общимъ историческимъ корнемъ почти всѣхъ наукъ, философія въ настоящее время повидимому не удержала за собою безспорно никакого спеціально принадлежащаго ей предмета изслѣдованія, что приводитъ многихъ къ мысли, что какъ самостоятельная наука она теперь уже не существуетъ, раздробившись и исчезнувъ въ другихъ наукахъ, отживъ свое время, какъ необходимое переходное время для ихъ появленія на свѣтъ и воспитанія.

Разсмотрѣніе содержанія положительныхъ наукъ съ цѣлью болѣе точнаго опредѣленія задачи философіи. Въ виду подобнаго недоумѣнія относительно возможности существованія

философіи въ настоящее время, мы должны попытаться точнѣе опредѣлить дѣйствительное ея содержаніе въ отличіи отъ другихъ наукъ. Мы должны рѣшить вопросъ: дѣйствительно ли положительными науками исчерпывается все содержаніе человѣческаго познанія такъ, что на долю философіи въ настоящее время не остается ничего, что могло бы составить предметъ ея, какъ особой, самостоятельной науки?

Для рѣшенія этого вопроса, мы должны обратить вниманіе на содержаніе важнѣйшихъ отдѣльныхъ областей научнаго познанія и посмотрѣть, нѣтъ ли въ каждой изъ нихъ какихъ либо вопросовъ, которые не разрѣшаются или не могутъ быть правильно разрѣшены въ предѣлахъ специальныхъ наукъ и при помощи эмпирическаго метода? Нѣтъ ли въ области познаваемого нѣкоторыхъ сторонъ или предметовъ, которые могли бы служить предметомъ особаго самостоятельнаго изслѣдованія и давать содержаніе для философіи?

Внимательное разсмотрѣніе содержанія наукъ положительныхъ дѣйствительно показываетъ намъ, что въ каждой изъ нихъ есть: а) понятія и при томъ основныя, которыя обыкновенно принимаются безъ изслѣдованія, на вѣру, но которыя тѣмъ не менѣе, по ихъ принципіальному значенію въ наукѣ, необходимо требуютъ раціональнаго изслѣдованія и обоснованія, чтобы наука могла быть наукою въ точномъ и строгомъ смыслѣ, то-есть совокупностью познаній, основанныхъ на началахъ вполне достовѣрныхъ и доказанныхъ; б) есть важныя для знанія и жизни вопросы, которые невольно вызываются и навязываются мыслящему уму при изученіи каждой почти специальной науки, но на которые однакоже наука или не даетъ отвѣта, или если и пытается дать, не выходя изъ своей специальной сферы, то по самой узкости и односторонности этой сферы даетъ только односторонніе и потому невѣрные отвѣты.

Для убѣжденія въ этой истинѣ, мы, не входя въ подробное изслѣдованіе содержанія каждой изъ многочисленныхъ специальныхъ наукъ, остановимъ вниманіе на трехъ главныхъ

предметахъ человѣческаго вѣдѣнія, кои суть: Богъ, міръ и человѣкъ, и посмотримъ, все-ли, что можно сказать, говорятъ о нихъ спеціальныя, касающіяся этихъ предметовъ, познанія и науки?

1. Ученіе о Богѣ составляетъ содержаніе многочисленныхъ и разнообразныхъ вѣрованій человѣчества. Понятіе объ этихъ вѣрованіяхъ, конечно, можно получить какъ изъ письменныхъ памятниковъ каждой религіи, такъ и изъ исторіи религій. Но задача истинно научнаго познанія предмета не можетъ ограничиться однимъ знаніемъ фактовъ и указаніемъ ихъ преемственности и ближайшей внѣшней связи; высшая цѣль науки состоитъ въ пониманіи смысла этихъ фактовъ, въ открытіи ихъ внутренняго начала и уясненіи законовъ ихъ развитія изъ этого начала. Но можетъ ли привести къ этой цѣли одно изученіе вѣрованій различныхъ народовъ? Очевидно, нѣтъ. Для этого необходимо, чтобы въ ряду разнообразныхъ фактовъ религіознаго сознанія мы открыли и выдѣлили коренной и всеобщій фактъ, который служитъ первоисточникомъ и внутреннею движущею силою религіозной жизни человѣчества, и на основаніи этого факта объяснили смыслъ, значеніе и причины исторической преемственности частныхъ религіозныхъ вѣрованій. Такимъ кореннымъ, лежащимъ въ основѣ частныхъ религіозныхъ фактовъ, очевидно служитъ присущая всѣмъ людямъ идея о Богѣ съ другими, состоящими съ нею въ связи, религіозными идеями. Итакъ, для пониманія религіозныхъ вѣрованій и жизни человѣчества, мы должны раскрыть содержаніе этой идеи, показать ея происхожденіе и значеніе. Но надлежащаго понятія объ этой идеѣ не можетъ дать намъ одно фактическое знаніе религіозныхъ вѣрованій, такъ какъ въ нихъ мы находимъ лишь частныя видоизмѣненія этой идеи, подъ вліяніемъ разнообразныхъ временныхъ и мѣстныхъ условій, но не раціональное изслѣдованіе о самомъ существѣ ея. Такимъ образомъ, кромѣ положительнаго и историческаго знакомства съ религіозными вѣрованіями, возможна и необходима паука, которая раскрывала бы намъ коренное

и общее содержаніе этихъ вѣрованій, — понятіе о Богѣ и религіи.

Такая наука необходима и съ другой стороны, — для сравнительной оцѣнки содержанія столь разнообразныхъ религіозныхъ вѣрованій. Это разнообразіе, доходящее до противорѣчій, невольно вызываетъ вопросъ: какое же изъ существующихъ религіозныхъ ученій есть истинное и гдѣ найти критерій для опредѣленія этой истинности? Такого критерія не даютъ намъ сами религіи; каждая изъ нихъ предлагаетъ извѣстное положительное содержаніе съ требованіемъ вѣры въ его несомнѣнную истину. Итакъ, въ области богопознанія естественнаго этого критерія мы должны искать внѣ самихъ религій, — въ разясненіи тѣхъ основныхъ понятій, которыя служатъ общимъ предположеніемъ всѣхъ религій; это — понятія о Богѣ и его отношеніи къ міру и человѣку. Степенью соотвѣтствія съ этими понятіями будетъ для насъ опредѣляться и степень достоинства тѣхъ или другихъ религіозныхъ вѣрованій.

Такимъ образомъ и въ виду крайняго разнообразія религіозныхъ ученій, и въ виду того, что ни одно изъ нихъ рационально не разясняетъ и не доказываетъ истины своихъ основныхъ понятій, оказывается необходимымъ отдѣльное отъ нихъ самостоятельное ученіе о Богѣ и отношеніи Его къ человѣку *).

*) Называя это ученіе ученіемъ о Богѣ, мы понимаемъ здѣсь это выраженіе въ самомъ общемъ и широкомъ значеніи слова, какъ понятіе о первомъ и высочайшемъ началѣ всѣхъ вещей. Какъ извѣстно, то высочайшее начало бытія, которое въ религіозныхъ вѣрованіяхъ народовъ носитъ названіе Божества, въ самихъ этихъ вѣрованіяхъ понимается очень различно. То же самое различіе понятій о немъ мы встрѣчаемъ и въ независимыхъ отъ религіи философскихъ ученіяхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ послѣднихъ, въ силу ихъ большей отчетливости пониманія, и самые термины, обозначающіе понятія о первой причинѣ бытія, оказываются различными, такъ какъ въ нихъ мыслители старались точнѣе выразить смыслъ своихъ понятій о первопричинѣ бытія. Такъ называемыя начала (ἀρχαί) до-сократовскихъ философовъ, идея блага Платона, первый двигатель Аристотеля, субстанція Спинозы, абсолютное я Фихте, абсолютная идея